

Г.Е. СОЛДАТОВА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К КЕТСКОМУ ФОЛЬКЛОРНОМУ ТОМУ*

В академической 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» началась подготовка тома «Фольклор кетов». В задачи серии входит не только публикация фольклорных текстов на языке оригинала и в адекватном выверенном переводе, но и научное комментирование издаваемых памятников с филолого-фольклористической, этнографической, музыковедческой позиций (там, где это целесообразно, — также с лингвистической и хореологической). Следовательно, этномузыковедческая часть является важной составляющей каждого тома.

Музыкальные разделы томов включают нотный и звуковой материал (как первоисточник, собственно текст, публикуемый наряду с текстом вербальным), а также анализ и интерпретацию этого материала в исследовательской статье. В зависимости от профиля тома — публикация крупного памятника или же разножанровых произведений, представляющих полный срез данной фольклорной культуры, — в статье дается характеристика издаваемого памятника в контексте музыкально-фольклорной традиции либо, соответственно, характеристика всей этой традиции¹.

В томе «Фольклор кетов» (составитель Н.М. Гришина, музыковед Г.Е. Солдатова) будут представлены тексты разных, в основном повествовательных жанров, определяемых в народной терминологии как *аскет* (сказка) и *аска* (предание, рассказ, сказание)². Как бывает во многих этнических традициях, эти определения охватывают более широкий жанровый спектр: с фольклористических позиций под них (без строгого соответствия) подпадают сказки, мифы, исторические и топонимические предания, рассказы. Кроме прозаического нарратива в составе тома будут поющие тексты и другой музыкальный материал. Следовательно, музыковедческая статья должна дать характеристику музыкального фольклора кетов в целом, обозначив его жанровый состав, особенности музыкальной организации и, насколько возможно, этническую специфику. Оговоримся, что последняя задача очень сложна, поскольку кетская музыкальная традиция мало изучена (об этом см. ниже), а живая фольклорная культура уже практически исчезла.

Публикаций, посвященных кетской музыке или хотя бы в какой-то мере затрагивающих эту тему, немного. Среди них — статья Г.К. Вернера и трех других авторов «О песнях современных сымских и имбатских

кетов» (1981), статья А.М. Айзенштадта (1982), статья и очерк Т.Ю. Дорожкой (1992, 1997)³, а также отдельные моменты в монографии В.И. Анучина (1914), статьях И.А. Бродского, Е.А. Алексеенко, книгах Ю.И. Шейкина⁴. Последняя по времени работа, дающая общие сведения о музыкальном фольклоре кетов, — глава «Духовная культура» в энциклопедическом издании «Народы Западной Сибири», написана этнографом-кетологом Е.А. Алексеенко⁵.

Звуковые материалы, до недавнего времени также немногочисленные, представлены двумя коллекциями записей на фонографе, которые хранятся в фонограммархиве Пушкинского Дома. Они собраны В.И. Анучиным (1908 г., Енисейский край) и Н.К. Каргером (1928–1929 гг., реки Елогуй, Подкаменная Тунгуска); большая часть записей — шаманские песни и камлания, есть также мужские и женские песни. Песенные образцы в 1970–1980-е гг. записаны на магнитофон А.М. Айзенштадтом, Э.И. Белимовым, И.А. Богдановым, в 1992 г. — Т.Ю. Дорожкой.

Материалы, опубликованные в упомянутых выше работах и имеющиеся в аудиозаписях, позволяют говорить о наличии таких жанровых явлений в кетской музыкально-фольклорной традиции, как личные песни, песни-мифы и эпические, шаманские — личные и обрядовые, а также о традиции музицирования на струнно-смычковом инструменте *катъ*, варгане *пымыль*, жужжалке *хылем*. В кетской музыке исследователями отмечены некоторые черты ладообразования (пентатонический склад, типичность ангемитонного трихорда), композиции (мотивный принцип, вариационность), фактуры (респонсорное многоголосие в камланиях)⁶.

Какого рода материал будет привлекаться к тому, и что имеется в нашем распоряжении? Основной фонд составляют сборы двух комплексных экспедиций, организованных в 2004 и 2005 гг. Институтом филологии СО РАН специально для подготовки кетского фольклорного тома. До этого, несмотря на напряженную работу в 1960-е и последующие годы лингвистов (Е.А. Крейнович, А.П. Дульзон и их ученики) и этнографа Е.А. Алексеенко, было собрано не так много фольклорных текстов, причем лингвисты писали в большинстве случаев «под карандаш», а Е.А. Алексеенко фиксировала только русский эквивалент⁷. Фольклористы кетским материалом никогда не занимались. В двух недавних экспедициях участвовали языковед-кетолог Н.М. Гришина, фольклорист-видеооператор К.А. Сагалаев, этномузыковед Г.Е. Солдатова.

Первая экспедиция (2004) посетила изолированную кетскую факторию Суломай — поселок в Байkitском

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Исследование и подготовка к изданию кетских фольклорных текстов» (№06-04-00366а).

районе Эвенкии, где ученые не были более двадцати лет. Как и предполагалось, ситуация с родным языком в поселке критическая: по-кетски говорят единицы, представители старшего поколения, а фольклор в живом бытовании давно исчез. Пытаясь найти хоть какие-то звуковые артефакты для компакт-диска к кетскому тому, мы готовы были записывать любые тексты на кетском языке. Однако помимо нескольких информантов, способных сообщить в основном бытовые рассказы, мы встретили в Суломае легендарную О.В. Лапикову (Тыганову), работавшую еще с Е.А. Крейновичем. В возрасте 87 лет она сохранила прекрасную память, блестящее владение языком, знание фольклора и обрядов. От этой исполнительницы записан основной массив текстов: сказки, мифы, топонимические предания, несколько рассказов о шаманах (с напевами), личные песни, звукоподражания, заклички (дождя, солнца, ветра), описания похоронного и свадебного обрядов. Эти записи представляют несомненный интерес, в том числе по той причине, что имеют варианты 30–40-летней давности, известные по публикациям⁸.

Вторая комплексная экспедиция работала на территории Туруханского района Красноярского края, в поселках Бакланиха, Верещагино, Сургутиха, Келлог, Верхнеимбатск, расположенных по Енисею и его притокам. Нам было известно, что именно в этих поселках проживают кеты, говорящие на родном языке. Большие надежды возлагались на Келлог и Сургутиху, где было записано большинство опубликованных ранее текстов. Выяснилось, что действительно самое большое число информантов сосредоточено в с. Келлог (р. Елогуй) — крупнейшей кетской фактории, в которой разрушающие традиционную культуру процессы протекают не столь динамично. В остальных поселках, включая Сургутиху, записи велись от двух-трех информантов. Хотя такие «единичные» исполнители, как Павел Михайлович Дибиков из с. Верещагино, Павел Егорович Сутлин из с. Верхнеимбатск, являются сегодня этнофорами, способными аутентично транслировать произведения кетского фольклора.

Музыкальные материалы записаны преимущественно в Келлоге. Наш информант Александр Котусов — один из немногих кетов, сохранивших традицию вокальных импровизаций. Он хорошо помнит песни, которые пели его отец, дед, бабушка и другие представители старшего поколения, но также любит импровизировать на эти мелодии, накладывая на них свои собственные слова. Кроме того, он сам создает напевы, а также «переводит» на кетский язык популярные эстрадные песни, приобретающие в его исполнении национальный колорит. Всего от этого информанта записано 16 песен, из них 13 традиционных (в том числе две песни матери, шаманская песня деда, песня отца, 8 образцов, названных «своя песня»). Несомненно, это чрезвычайно любопытный для музыковедения материал. Однако необходимо понять этнические истоки напевов, транслируемых А. Котусовым. Он воспринял многое от своего отца-эвенка, прекрасно

знавшего язык и культуру кетов, родившегося в Ратте, районе тесного кето-селькупского взаимодействия. Он исполнил песню, услышанную от селькупской родственницы — свекрови своей сестры. Примечательно, что в кетской коллекции В.И. Анучина 1908 г. есть шаманская песня с пометкой «остяки тазовские» (т.е. селькупы)⁹, мелодия которой и тембр голоса исполнителя очень напоминают одну из «своих песен» А. Котусова.

Другая исполнительница из Келлога — Ульяна Прокопьевна Тыганова — рассказывала нам сказки, но петь стеснялась. У этой исполнительницы нам удалось записать шаманскую песню. Оставив диктофоны включенными, мы покинули бабушку и вернулись через час. Запись получилась.

В Бакланихе было записано две детских песни-потешки от Зои Васильевны Максунной, в Верещагино — от ее дальней родственницы Антонины Алексеевны Максунной, фрагменты шаманского напева и личную песню.

Таким образом, коллекция образцов, представляющих кетский музыкальный фольклор в аудиозаписях комплексных экспедиций, включает: личные песни — 25, шаманские напевы — 6, из них 4 — в контексте описания обрядов, детские пестушки — 2, песню-миф, колыбельную, а также предание, начало которого исполняется в речитативном стиле (всего — 35 образцов). В подсчет не вошли звукоподражания промысловым животным (медведь, лось, росомаха, бурундук, рябчик, глухарь, утка), кукушке, оленю, оленеводческие сигналы (хотя оленей у кетов сейчас уже нет). Эти записи — основа для музыковедческого раздела кетского фольклорного тома. В качестве сопоставительного материала возможно привлечение нотных расшифровок, помещенных в публикациях А.М. Айзенштадта, Т.Ю. Дорожковой, Ю.И. Шейкина (около 40 нотных примеров разной степени подробности и полноты, все без кетского текста). Возможно и целесообразно использование фонозаписей из архивных коллекций, но только той части, которая поддается вербальной расшифровке.

Информации о народных музыкальных инструментах кетов в публикациях почти нет, и традиция музицирования на данный момент утрачена. В Суломае зафиксированы лишь воспоминания об игре на варгане *тымель* и струнном инструменте *мандуркэ*. В Келлоге же по нашей просьбе В.Х. Бальдин при включенной камере сделал кетский варган *тымель*, а затем и звуковую игрушку-«жужжалку» *щёроцкэ*¹⁰. Видеозапись составляет около 4 часов, зафиксирован весь процесс изготовления инструментов. Этот материал, восполняющий пробел в кетской музыкальной этнографии, будет включен в видеоприложение тома.

Музыковедческая подготовка тома на данный момент связана с тщательной текстологической проработкой отобранных поющих текстов: нотированием и вербальной расшифровкой. Первичный анализ нотированных шаманских и личных напевов, пестушек и «Пикулям» позволяет отметить некоторые их черты: неболь-

шой диапазон (терция-квинта), трехступенный мелодический каркас (чаще ангемитонный трихорд), отсутствие строгой ритмической формульности (хотя есть метрические образцы, где можно и нужно проставить размер). Синтаксические границы определяются достаточно четко, поэтому нотации ранжированы, хотя образуемые сегменты не равновеликие. Нотированный материал демонстрирует сходство напевов, записанных у одного исполнителя, что может быть связано как с индивидуальностью певца, так и с локальными особенностями мелодики районов Подкаменной Тунгуски и Елогуя.

Первоначально автономная работа по вербальной и нотной расшифровке столкнулась с проблемой, которую необходимо разрешить в ближайшее время. Совмещение филологической записи текста с подтекстовкой под нотами оказалось невозможным, так как лингвист и музыковед слышали текст по-разному. В дальнейшем, когда нотирование производилось уже при наличии расшифровок, проблема не решилась, так как эпизодически различия сохранились. Причины такой ситуации могут быть как в незнании языка музыковедом, так и в «глухоте» филолога к распеваемым и синсемантическим слогам, имеющих значение только в пропеваемом тексте. Для решения указанной проблемы автономный режим лингвистической и музыковедческой расшифровки пока сохранен. В дальнейшем, после завершения расшифровки текстов, оба варианта будут сопоставлены, а «темные» места прояснены с помощью носителей кетского языка¹¹. Такая работа будет способствовать выявлению синтаксических особенностей поющих текстов, способам координации стиха и напева, а следовательно, обеспечит адекватную подачу материала при публикации.

Кроме этой задачи, предстоит решить еще по меньшей мере две. Первая – уточнение жанровых определений: пока они даны условно. В частности, нужно выяснить, какие именно шаманские песни в нашем распоряжении: связанные с обрядовой практикой или же личные песни шаманов, и чем отличаются личные песни шаманские от нешаманских. В литературе сообщалось, что это «обычные лирические песни, с элементами песен из обрядов»¹². Вторая задача – различение мелодий селькупского и кетского происхождения. Кетско-селькупские хозяйственные, культурные, активные брачные связи, разумеется, наложили отпечаток и на интонационную культуру. Давними соседями кетов являются эвенки и русские. Поэтому необходимо обозначить иноэтнические (селькупские, эвенкийские, русские) напластования в кетской музыке; учитывая малый объем материала – хотя бы контурно.

Выход тома «Фольклор кетов» планируется уже в новом формате – не только с традиционным для серии фоноприложением на компакт-диске, но и с видеоприложением на DVD. Комплексная мультимедийная публикация

позволит более полно и адекватно представить кетское фольклорное наследие, как того заслуживает этот самобытный, почти исчезнувший народ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О задачах 60-томной серии и принципах подготовки музыкаловедских разделов томов см.: Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» / Н.А. Алексеев (отв. ред.), В.М. Гацак, Е.Н. Кузьмина, С.П. Рожнова, Г.Е. Солдатова. – Новосибирск, 2003. – Изд. 2-е. – 20 с.

² Алексеев Е.А. Духовная культура // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эвэнцы. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005. – Гл. 8. – С. 719–732 (Народы и культуры). – С. 719.

³ Вернер Г.К., Вернер И.Г., Николаева Г.С., Николаев Н.Е. О песнях современных сымских и имбатских кетов // Сказки народов Сибирского Севера: Сб. статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. – С. 3–26; Айзенштадт А. У кетов и селькупов // Музыка Сибири и Дальнего Востока: Сб. статей. – Вып. 1 / Сост. И.М. Ромашук. – М.: Сов. композитор, 1982. – С. 175–204; Дорожкова Т. Пение и инструментальный кетских шаманов // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. Тез. докл. междунар. науч. конф. – Якутск, 1992. – С. 54–55; Дорожкова Т.Ю. Кеты и селькупы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. – Новосибирск, 1997. – Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. – Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. – С. 103–129.

⁴ Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сб. МАЭ. – СПб., 1914. – Т. 2. – 90 с.; Бродский И.А. К изучению музыки народов Севера РСФСР // Традиционное и современное народное музыкальное искусство. Сборник трудов ГМИИ им. Гнесиных. – М., 1976. – Вып. XXIX. – С. 248–256; Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. – Якутск: РДНТ, 1996. – 123 с.; Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование / Под. общ. ред. Е.С. Новик; Нотография Т.И. Игнатьевой. – М.: Вост. лит., 2002. – 708 с.

⁵ Алексеев Е.А. Духовная культура...

⁶ Анучин В.И. Очерк шаманства...; Дорожкова Т.Ю. Кеты и селькупы...

⁷ Эти материалы опубликованы в книге: Мифы, предания, сказки кетов / Сост., предисл., комм. и глоссарий Е.А. Алексеев / Под общ. ред. Е.С. Новик. – М.: Вост. литература, 2001. – 343 с. (Сказки и мифы народов Востока).

⁸ Дульзон А.П. Кетские сказки / Редакция и предисл. проф. Я.Р. Кошелева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. – 162 с.; Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты / Под ред. Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского. – М.: Гл. ред. Вост. литературы, 1969. – 262 с.; Вернер Г.К. и др. О песнях...; Мифы, предания...

⁹ Фонограммархив ИРЛИ, коллекция 60, № 2294.

¹⁰ Кстати, это одно из трех названий, которые приводили информанты (*щёлтам*, *щёуль*, *щёроцкэ*), четвертое (*хылем*) дано в публикации Е.А. Алексеев: Алексеев Е.А. Духовная культура...

Почему этот инструмент имеет несколько разных названий – предстоит выяснить.

¹¹ В работе по расшифровке и сверке кетских текстов с фонозаписью активно участвуют В.А. Романенкова (с. Келлог) и П.Е. Сутлин (с. Верхнеимбатск).

¹² Вернер и др. О песнях ... – С. 6.